

«ПРЕДАННЕЙШИЙ

Из цикла «Вокруг

«Записок из Мертвого дома»

ДРУГ»

ОДИН из авторов, писавших о Ф. М. Достоевском в дни его 150-летия, заметил, что юбилей этого писателя меньше всего походят на праздник. Действительно, период, предшествовавший 150-летию великого художника слова, стал временем напряженной работы для очень многих людей. Литературоведы, историки, философы, деятели литературы и искусства немало потрудились для того, чтобы еще глубже и объективней осмыслить невероятно сложное творческое наследие Достоевского. Появились десятки новых книг и статей, посвященных различным сторонам его творчества, мировоззрения, биографии. Зрители увидели новые кинофильмы и театральные постановки, созданные по мотивам его произведений.

Кроме того, исследователи продавали немалую работу, впервые опубликовав записные книжки писателя, его черновые наброски, переписку и воспоминания современников... Страницы одной из таких публикаций мы перелистаем сейчас.

Но начнем не с них — раскроем «Записки из Мертвого дома». В начале главы «Первый месяц» Федор Михайлович коротко пишет о своих встречах с женами декабристов в Тобольске, об их помощи и участии. Это напомнило автору «Записок» еще об одном аналогичном знакомстве, состоявшемся в Омске.

«Есть в Сибири, и почти всегда не переводится, несомненно лиц, которые кажутся, назначением жизни своей ставят себе братский уход за «несчастливыми», сострадание и соболезнование о них, точно о родных детях, совершенно бескорыстно, свято. Не могу не припомнить здесь вкратце об одной встрече. В городе, в котором находился наш острог, жила одна дама, Настасья Ивановна, вдова. Разумеется, никто из нас, в бытность в остроге, не мог познакомиться с ней лично. Казалось, назначением жизни своей она избрала помощь ссыльным, но более всех заботилась о нас. Было ли в семействе у ней какое-нибудь подобное же несчастье, или кто-нибудь из особенно дорогих и близких ее сердцу людей пострадал по такому же преступлению, но только она как будто за особое счастье считала сделать для нас все, что только могла. Многого она, конечно, не могла: она была очень бедна. Но мы, сидя в остроге, чувствовали, что там, за острогом, есть у нас преданнейший друг. Между прочим, она нам часто сообщала известия, в которых мы очень нуждались. Выйдя из острога и отправляясь в другой город, я успел побывать у ней и познакомиться с нею лично. Она жила где-то в форштадте, у одного из своих близких родственников. Была она не стара и не молода, не хороша и не дурна; даже нельзя было узнать, умна ли она, образованна ли? Замечалось только в ней на каждом шагу одна бесконечная доброта, непреодолимое желание угодить, облегчить, сделать для вас непременно что-нибудь приятное. Все это так и виднелось в ее тихих, добрых взглядах. Я провел вместе с другим из острожных моих товарищей у ней почти целый вечер. Она так и глядела на нас в глаза, смеялась, когда мы смеялись, спешила соглашаться со всем, что бы мы ни сказали; суетилась угостить нас хоть чем-нибудь, чем только могла. Подан был чай, закуски, какие-то сласти, и если б у ней были тысячи, она бы, кажется, им обрадовалась только потому, что могла бы лучше нам угодить да облегчить наших товарищей, оставшихся в остроге. Прощаясь, она вынесла

нам по сигарочнице на память».

До недавних пор не было ничего известно об этой женщине. Но вот в период юбилея писателя вышел в свет сборник «Достоевский и его время». В нем среди других материалов впервые напечатаны письма, которые получал писатель от разных лиц. И есть там письмо, которое имеет непосредственное отношение к вышеприведенному отрывку. Вот оно:

«Многоуважаемый Федор Михайлович!

В 857 году имела счастье получить Ваше письмо из Семипалатинска... Ожидала Вас, надеялась увидеть и проститься с Вами, когда будете проезжать через Омск в Россию. Но, к сожалению, я не знала, когда Вы возвращались в Россию. Не могу Вам и выразить всей досады и горя, что я так долго ждала и не видела Вас... Но нынче с сердечной радостью слышу снова, благороднейший Федор Михайлович, что Вы стоите в ряду знаменитых писателей. Слышу одобрительную, полную справедливости, бесспорно приносимую лучшим произведениями господина Достоевского — этого дорогого автора. Как я рада-то, рада сердечию, что желание Ваше исполнилось, что Вы стоите на своем месте...».

Автор этого письма — омичка Наталья Степановна Крыжановская. Ученые, подготовившие данную публикацию, предполагают, что именно об этой женщине идет речь в «Записках из Мертвого дома». Да, скажете вы, но ведь в книге она фигурирует под именем Настасья Ивановна? Верно, но дело в том, что Достоевский сознательно изменял или даже зашифровал имена почти всех людей, о которых говорится в «Записках»... В данном случае вполне можно предположить, что писатель опасался навредить неприятности на голову своей омской знакомой — ведь помоги политическим преступникам отнюдь не поощрялась. Не случайно он подчеркнул: «Разумеется, никто из нас, в бытность в остроге, не мог познакомиться с ней лично», — такое вопиющее нарушение каторжного режима, конечно же, вызвало бы неудовольствие омского начальства. Что же касается письма Крыжановской, то оно показывает ее человеком достаточно образованным и пачитанным:

«...У меня при всей моей горести одно развлечение: читать или слушать, имели счастье читать и Ваши издания — «Село Степанчиково и его обитатели» и роман «Униженные и оскорбленные».

А дальше в письме упоминается имя товарища Достоевского по каторге — поэта-петрашевца Сергея Дурова. Это именно с ним Достоевский был у Натальи Степановны в гостях:

«...уведомьте, жив ли Сергей Федорович и где находится. Адрес мой: ее благородию Наталье Степановне Крыжановской на Кадышевском форштадте...».

На этом текст не кончается. Наталья Степановна поставила свою подпись, но обстоятельства сложились так, что отосланное письмо было позже. Так в нем появилась очень интересная приписка:

«...Давно было приготовлено письмо, но не успела отправить, очень была больна в то время. Брат постарался доста-

вить мне «Записки из М. дому», 4-ю главу Как я рада, что читаю или кто говорит о Вас, то я будто вижу Вас и слышаю. Ольга читала мне, да я и сама перечитывала «Записки из Мертвого дому». С каким немолчим правдою развывается эта ужасная картина. Я плакала, Ольга останавливалась читать и говорила мне, что она помнит Вас хорошо; и в самом деле, в детском сердце ее и памяти так живо запечатлелись, отразились Вы. Она так верно передавала мне Ваш рост, неизгладимые из памяти сердца черты. Даже цвет волос. Также и Сергея Федоровича помнит хорошо.

Прощайте, благороднейший человек в мире, вспомните когда-нибудь одной чертой преданную Вам до гроба Наталью К».

Обратите внимание на слова — «вспомните когда-нибудь одной чертой». Их вполне можно понять так: Наталья Степановна скромно намекала Достоевскому, что она очень хотела бы быть упомянутой в «Записках из Мертвого дома». Федор Михайлович в это время продолжал работать над «Записками», печатал их по частям в своем журнале «Время». Глава, где рассказано о вдове Настасье Ивановне, появилась в печати в конце 1861 года, то есть, после того, как автор получил письмо из Омска. Почему мы не можем предполагать, что рассказ о Настасье Ивановне появился благодаря именно этому письму?

Итак, перед нами еще одна страница творческой истории «Записок...» И, как это часто бывает, новый материал задает новые вопросы. В самом начале письма Наталья Крыжановской говорится о письме Достоевского из Семипалатинска. А вот еще несколько ее строк:

«...Уважаемый Федор Михайлович, воспоминание о Вас в памяти сердца свято, неизгладимо. Ваши дорогие письма храню, как завет...»

Где эти письма? А вдруг они сохранились у потомков Натальи Степановны Крыжановской? Ведь у нее были дети, в частности, шестнадцатилетняя дочь Ольга, которую Наталья Степановна упоминает в письме. Можно ли сейчас, спустя сто с лишним лет, ответить на эти вопросы, надеяться на положительный результат поиска? Трудно сказать. Но литературоведение знает немало примеров, когда совершенно неожиданно, да совершенно неожиданных местах обнаруживались ценные документы, автографы, письма, касающиеся того или иного писателя. Например, не так давно была найдена целая коллекция пушкинских материалов, в которой были даже автографы великого поэта.

Сибирский период биографии Федора Михайловича Достоевского изучен еще недостаточно. И поэтому мы приглашаем к поиску всех, кто прочитал эти строки. Давайте попытаемся разыскать следы семьи Крыжановских. Кроме того, в Омске из поколения в поколение передаются легенды, устные рассказы о Достоевском — главным образом о его пребывании на каторге. Этот своеобразный фольклор также представляет немалый интерес, было бы неплохо собрать и записать его образцы.

А. ЛЕЙФЕР.